

Научная статья / Article

УДК 903.2(571.1/.5)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-04)

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ РАКОВИНЫ КАУРИ У НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Юрий Иванович Ожередов

*Институт исследования Монгольского Алтая, Улаанбаатар, Монголия;
nohoister@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>*

Резюме. Настоящее исследование является первым опытом обобщения сведений о редкой категории археологических находок, именуемых раковины каури. Интерес к ним обусловлен находкой в 1954 г. 14 образцов в пяти погребениях селькупского могильника XVI в. Пачанга. В сравнении с южной зоной Сибири данный объем мизерный, но для северной зоны он намного ценнее в научном отношении, нежели более частые и обильные находки в южных регионах, близких к центрам первичного сбора и распространения раковин. Целью работы обозначена культурно-хронологическая дислокация каури в археологическом и этнографическом пространстве Западной и Южной Сибири. Источниками послужили опубликованные артефакты из погребальных и жилищных комплексов. Судя по числу находок, каури повсеместно являлись желанным, но малодоступным сырьем для поделок, что подтверждают многочисленные имитации каури из камня и бронзы. Примерно такая же картина распространения каури складывается в этнографии. Как и в археологии, доминирующей по числу находок остается южная зона, населенная преимущественно тюркскими племенами.

Ключевые слова: Западная и Южная Сибирь, селькупы, раковины каури, культурно-хронологическая локализация

Благодарности: автор глубоко признателен коллегам к.и.н. М. А. Корусенко, д.и.н. Е. П. Мартыновой и А. Ю. Ожередовой, любезно предоставившим неопубликованные материалы и сведения, позволившие решить отдельные задачи настоящего исследования.

Для цитирования: Ожередов Ю. И. Культурно-хронологическая локализация раковины каури у народов Западной и Южной Сибири по данным археологии и этнографии // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №1. С. 75–94. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-04).

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION OF THE COWRIE SHELLS IN THE WEST AND EAST SIBERIA BASED ON THE ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC ARTIFACTS

Yuri I. Ozheredov

*Institute of Mongolian Altai studies, Ulaanbaatar, Mongolia;
nohoister@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>*

Abstract. The study represents the first attempt to summarize available information related to a rare category of archaeological finds, that is cowrie shells. The interest is sparked by fourteen cowrie artifacts collected in 1954 from the Selkup burial complex Pachanga dated to the 16th century. In comparison with

South Siberia regions where due to geographical proximity to the centers of its origin and distribution, the volume of these finds is much higher, the amount of material found in the North is very small, but its scientific value cannot be overestimated. The study aims to give a cultural and chronological attribution of the cowrie shells in archaeological and ethnographic material collected in West and South Siberia. The study is based on the published artifacts from the burial and residential complexes. Judging by the number of the finds, cowrie shells were universally in demand but hard to acquire material, which explains their imitation in stone and bronze. The same can be suggested in the relation to the cowrie shells distribution in ethnographic material — cowrie shell artifacts are more present in the South populated by the Turkic ethnic groups.

Keywords: West and South Sibeia, Selkups, cowrie shells, cultural and chronological attribution

Acknowledgment: the author expresses deep gratitude to the colleagues M. A. Korusenko, E. P. Martinova and A. Yu. Ozheredova for providing unpublished materials crucial for completing the present study.

For citation: Ozheredov Yu. I. Cultural and Chronological Attribution of the Cowrie Shells in the West And East Siberia Based on the Archaeological and Ethnographic Artifacts. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(1):75–94. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-04).

Введение

Многолетнее изучение культуры нарымских, или южных, селькупов с позиций археологии и этнографии сформировало крупный корпус источников, характеризующих едва ли не все стороны материальной и духовной жизни этноса на протяжении почти целого тысячелетия (Боброва и др., 2016, с. 10–25). При этом самыми экзотическими образцами в категории, именуемой «украшения», стали раковины каури (*Surgaea moneta* L. из рода ципреи, семейства уховки, или змеиной головы), выполнявшие в жизни традиционных обществ не только эстетическую, но и символическую роль. Настоящее исследование не затрагивает метафизическую сторону данного предмета, так как это большая и самостоятельная тема будущего исследования. А отдельные замечания культурологического свойства, комментирующие находки каури в литературе, лишний раз подчеркивают ценность материала в воззрениях народов-носителей. Целью настоящей работы является обобщение доступных на сегодняшний день данных в археологии и этнографии о культурно-хронологической локализации раковины каури на территории Западной и Южной Сибири.

Материалы и методы исследования

В селькупской археологии каури известны по находкам, собранным в 1954 г. А. П. Дульзоном в могильнике XVI в. Пачанга, изученном на левом берегу р. Оби у с. Молчаново (Дульзон, 1955а, с. 119, 127, 131; 1955б, с. 230; Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990, с. 98). Раковины обнаружены в пяти погребениях третьего и пятого курганов (соответственно №3, 4 и 1, 3, 4). Всего найдено 14 образцов разной степени сохранности (один в разрушенном виде). Находки распределились следующим образом: курган №3, погребение 3 (мужское): пять раковин у черепа, левого предплечья и на груди; погребение 4 (двое мужчин): четыре раковины на месте потревоженного грабителями черепа. Курган №5, погребение 1: два экземпляра у черепа ребенка, третий между его челюстями; погребение 3 — «около ушной раковины» девочки (?) примерно шести лет; в погребении 4 выявлены обломки каури (Дульзон, 1955а, табл. 5; 1955б, с. 238–

242). Находки располагались преимущественно у головы умершего (реже — на груди), что указывает на их вероятную принадлежность к головным уборам, бусам, прическам и плечевой одежде. Антропологические исследования костяков показали, что раковины найдены в мужских, детских и, возможно, женских захоронениях.

Несколько других каури найдены южнее Пачанги на землях, некогда принадлежавших самодийским племенам, но в средневековый период занятых отюреченными соседями. Ближайшая находка зафиксирована на территории Томского Приобья, граничащего с Приобьем Нарымским. В Каталоге коллекции Ф.Р. Мартина (1891), хранящейся в Государственном Историческом музее Стокгольма, значится каури из могилы в кургане №17 могильника Тоянов Городок, оставленного томскими (эуштинскими) татарами (современная территория г. Томска) (Ожередов, Яковлев, 1993, с. 111). Раковина была закреплена на головном уборе в ряду с другими украшениями и тремя немецкими счетными жетонами XVII в. Позже обломок, очевидно, этой же раковины упомянул в своих работах Т.Й. Арне, но в собрании стокгольмского музея данный фрагмент не обнаружен (Яковлев, 2009, с. 166, 193, 257, 330).

Другой пример ближайшего соседства дает находка в Балагачевском могильнике чулымских тюрок (чулымцев) на р. Чулым. Раковина располагалась у черепа предположительно взрослой женщины, являясь элементом украшения ее головного убора (Дульзон, 1953, с. 242)¹.

Помимо демонстрации природных раковин из Пачанги, А. П. Дульзон отметил метафорическое присутствие каури на протосамодийской (селькупской) территории, отюреченного Притомья. На конском черепе в захоронении XIII–XIV вв. Басандайского могильника найдено шесть уздечных накладок, стилизованных, по мнению автора, под каури (Дульзон, 1953, с. 173). Ареал распространения этих изделий выходит далеко за пределы Притомья и связан с тюркско-монгольским влиянием. Аналогичные накладки известны на Барсовой горе в Сургутском Приобье (Arne, 1935, с. 122; Арне, 2005, рис. 131) и в древностях Прикамья (Смирнов, 1952, с. 211, рис. 13).

Исторически сложилось так, что нарымские селькупы очень рано обрусели и сменили традиционные предметы быта на привозные русские. Произошло это, к сожалению, еще до появления первых собирателей этнографических коллекций. Раньше всего новации коснулись одежды, которая, судя по археологии (Пачанга), являлась главным носителем каури. Но это не означает, что в этнографический период селькупы вовсе не знали каури. Такому взгляду на вопрос противоречит весьма убедительный аргумент. В самом начале XX в. женские украшения из раковин зафиксировал очень наблюдательный и точный в своих зарисовках томский художник М. М. Щеглов (1957, с. 64–70), совершивший поездку в Нарымский край с целью изучения быта «остяков». В 1911 г. по итогам путешествия вышла серия почтовых открыток «Из жизни остяков». В композиции «Сказка» автор показал две нити каури, вплетенные в прическу девочки, предположительно младше 10 лет (Казачков, Полонский, 2014, с. 33, 105).

¹ Следует заметить, что нижнее течение Чулыма оставалось за селькупами вплоть до недавнего времени. Аналогичная этноситуация наблюдается на Васюгане, о чем будет сказано далее.

По имеющимся источникам ареал культурного бытования каури охватывал обширное пространство, соседствующее с Томско-Нарымским Приобьем и располагающее большим ресурсом находок. К северу, в Сургутском Приобье, каури уже не столь редки, как в нарымских пределах. Как упоминалось выше, первые их следы в виде изображений на металле открылись в древностях Барсовой горы (Arne, 1935, рис. 122; Арне, 2005, рис. 131). Помимо этого, в конце XIX в. на нескольких памятниках югорской старины были найдены натуральные образцы.

В 1880-е гг. шесть раковин описано в составе коллекции Тобольского губернского музея, собранной частными лицами и экспедицией музея на территории столицы сибирского ханства Искер. Касательно их назначения автор писал: «...употреблялись как подвески для шейных украшений и косоплеток» (Пигнатти, 1915, с. 2–4, 61). В 1993 г. каури на Искере находил екатеринбургский археолог А. П. Зыков (Зыков, Косинцев, Третьяков, 2017, с. 322–323, рис. 127.-7–9). Несколько позже, в 2007 г., «...интересная подвеска, изготовленная из раковины каури», найдена в жилом слое хантыйского Надымского городка (Историческая экология..., 2013, с. 278). Симптоматично, что все названные артефакты югорской земли принадлежали жилищным комплексам XVI–XVII вв.

Этнографические образцы каури на Северо-Западе Сибири известны в традиционной культуре двух обско-угорских этносов: манси и хантов. Такое заключение следует из обобщения А. А. Богордаевой (2006, с. 46) со ссылкой на мнение Ю. Липса, выделившего каури в ряду сырья, повсеместно употреблявшегося для изготовления украшений у народов СССР, в том числе коренных обитателей Сибири. Данный вывод в равной мере можно отнести и к другим этносам северо-западного региона, например к самодийцам-ненцам и селькупам. Но пока имеется лишь по одному выявленному свидетельству для каждого из них. Вместе с тем вселяет оптимизм, что в старину каури были известны у эуштинцев, чулымцев и васюганских хантов, с которыми селькупы жили буквально бок о бок и даже имели брачные связи. При миграции на р. Васюган ханты потеснили селькупов и осели в верхнем и среднем течении, но селькупы отстояли нижнее течение, на чем стороны нашли принципиальное согласие. А ханты определенно знали каури.

Первый известный пример интереса «нарымчан» к каури обнаружен в материалах финского этнолога У.Т. Сирелиуса, собранных в 1898 г. в первом «путешествии к хантам» на р. Васюган. В книге ученого размещены фотографии двух васюганских женщин с нагрудными бисерными украшениями. На одном из них видны раковины, обрамляющие нижний край традиционных бисерных хантыйских подвесок. Сходное по форме украшение, приобретенное ученым в васюганских юртах Kolongiaah (Кадыльские, Кадылькынак), хранится в г. Хельсинки в коллекции У.Т. Сирелиуса в национальном музее Финляндии. На современном фото раковины размещены по 5 экз. в ряд вдоль нижнего обреза подвесок, точно так же, как на старом снимке собирателя (Сирелиус, 2001, с. 20, рис. 62, цвет. вкладка, рис. 1). Не будь сделаны перевод и публикация этой работы на русском языке, источник оставался бы недоступным, как прежде. В археологии, в свою очередь, долгие годы была труднодоступной работа Т.Й. Арне, посвященная Барсовой горе. С переизданием книги на русском языке ситуация резко переменялась. Поскольку ученые-иностранцы первыми вошли в Сибирь с научными целями и успе-

ли увидеть и опубликовать то, что не застали их последователи, их книги, возможно, таят еще много полезного для современной науки.

В аспекте поднятой темы показателен один пример: этнолог Е. П. Мартынова припомнила два не вошедших в литературу эпизода из полевой работы в Ямало-Ненецком автономном округе. В 2003 г. в Шурышкарском районе «на песках у рыболовов из Овгорта» ей довелось увидеть «2–3 раковины на зеленом сукне на сахе для девочки» (хантыйская женская одежда). Раковины были «нашиты на узор». Второй сюжет возник в 2001 г. в ненецком пос. Кутопьюган Надымского района, где исследователем была осмотрена старая женская сумка, украшенная каури, подвешенными на тесемках (Мартынова, письменное сообщение. 18 февраля 2022 г.).

Незначительное количество каури в полярной зоне Западной Сибири, в сравнении с южными регионами, наглядно убеждает в сокращении числа находок по мере удаления на север. При этом очевидно, что такого рода украшения были предметами желанными, но малодоступными. Вместе с тем удивляет число каури в Пачанге, заметно превосходящее многие находки у южных соседей, в чем можно убедиться ниже при изучении соответствующих комплексов.

В ходе настоящего исследования использовались общепринятые в археологии и этнографии способы выборки и сортировки источников, присущие музейному вещеведению и направленные на выявление и атрибуцию изделий, являющихся предметом изучения. В работе использовались литературные источники, материалы музейного хранения, письменные и устные сведения археологов и этнографов. При анализе корпуса данных применен историко-сравнительный метод.

Обсуждение отдельных аспектов исследования

При анализе доступных источников заметно, что этнография XX–XXI вв. не дает каури, известных в женских погребениях и на одежде предыдущих столетий. Бисерные украшения, которые еще в XIX в. оснащались раковинами, в последующие времена практически их утратили. Так, например, Т. Вахтер при анализе источников, собранных «старыми» европейскими путешественниками А. Алквистом, У. Т. Сирелиусом, А. Каннисто и др. на территории Сибири, с уверенностью писала, что «вогульские наконечники подвески неярких цветов оканчиваются либо раковинами, либо медными пуговицами». Относительно времени появления каури исследователь говорит: «на концах бисерных украшений обских угров они встречаются уже в XVIII в.». Кроме того, по данным Т. Вахтер каури были у мордвы, «ингерманландцев», черемисов, а также в древностях «железного века Финляндии». Автор замечает, что «у вогулов раковины — «головы змеи из далекой страны» — происходят с берегов островной группы Индии». Далее уточняется: «Они ... живут на берегах Мальдивских островов». Примечательно замечание, что, когда бисерные украшения манси надевали умершим в последний путь, то «раковины... не давались с собой, потому что у них появились бы змеи» (Орнаментика..., 2019, с. 76, 78, 80, 82, 84, 431–432, 433, табл. 124, 125).

Салымские ханты придерживались на этот счет, видимо, иных воззрений, что обнаруживает находка антрополога В. А. Дремова в захоронении Соровского кладбища на р. Салым, принимавшего умерших на протяжении XVIII–XIX вв. В отличие от других известных случаев, там каури были не на одежде и не в составе украшений, при-

годных для носки. В могиле №56 за гробом стоял деревянный ларец (45×35 см, высотой 20 см), где в «женской» берестяной коробке (туеске) хранилось пять раковин, завернутых в ткань вместе с монетами и аксессуарами повседневности: сережкой, перстнями, стеклянным флаконом и табакеркой (Рындина, Боброва, Ожередов, 2008, с. 44, 371, 387). Судя по разнообразию привозных изделий в составе сопроводительного инвентаря, женщина принадлежала к зажиточной семье. В связи с данной находкой весьма симптоматичен факт, приведенный А.А. Дуниным-Горкавичем, уделившим внимание женским бисерным украшениям салымских хантов и отметившим, что у других групп хантов он таких не видел. Однако и в данном случае представленные им образцы выполнены без применения каури (Дунин-Горкавич, 1996, с. 128–129). Вероятно, из-за их редкости. В то же время исследователь отметил наличие «мелко истолченных ракушек» в составе лекарственного средства для лечения открытых ран (Дунин-Горкавич, 1996, с. 132), не указав, к сожалению, какие раковины использовались в конкретном случае. Точно так же нет упоминаний о каури в коллективном монографическом исследовании под названием «Салымский край» (2000, с. 178, 180, 183), где приводятся описания и фото женских и детских бисерных украшений и отделки одежды.

Рис. 1. Каури из могильника Черталы-3–4: 1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона
Fig. 1. Cowrie shell from the burial complex Chertaly-3–4: 1 – face ; 2– reverse side

По мере удаления от тайги к югу число находок каури заметно растет. Зона их распространения раздвигается в широтном направлении, а хронология устанавливается в пределы I тыс. до н.э. — II тыс. н.э. В Среднем Прииртышье каури выявлены в комплексах X–XII вв. поселения Кипо-Кулары (Конииков, 1985, с. 68) и в захоронениях XVI–

XVII вв. девочек 3–4 и 10–12 лет у с. Окунево (Матющенко, Полеводов, 1994, с. 96, 100; Баранова, Корусенко, 2011, с. 199) и поздних комплексах могильника Черталы-3–4 (устное сообщение М. А. Корусенко. 18 февраля 2022 г.; рис. 1).

В Барабе каури встречены в могильнике XVI–XVII вв. Абрамово-10 (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 61.-32), часть погребений которого авторы связали через керамику с пришлыми селькупам (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, 177). Обозначенная связь манифестирует знакомство барабинских селькупов с импортными раковинами, а в широком контексте — интерес к каури у обитателей Прииртышья и Барабы в момент ее появления у селькупов Пачанги. В этих ассоциативных сближениях нащупывается вероятность событий, обусловивших появление каури на сопредельных территориях.

Выше по Оби, в лесостепном Приобье, раковины найдены в могильнике IV–V вв. до н. э. Новый Шарап-2 (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 17).

Многочисленными находками каури славятся пределы Алтая, Хакасии, Шории, Тувы и Прибайкалья. Далее к югу следует отметить Монголию и Китай, моря которого являются местом обитания моллюска каури. Вероятно, именно с этих мест или через них каури попадали далее на север Сибири традиционными караванными путями. Ю. С. Худяков (2009, с. 216) полагал, что в Минусу каури везли из Семиречья через Прииртышье.

Наиболее ранние находки на южно-сибирской территории сделаны в могилах плеточной культуры с диапазоном дат от эпохи бронзы до РЖВ (Цыбиктаров, 1998, с. 58) и дворцовцев (Шульга, 2015, с. 293, рис. 122). Позднее каури отметились в погребальных комплексах забайкальских хунну (Коновалов, 1976, с. 169).

О каури в археологии Хакасии впервые заговорил шведский исследователь Ф. Р. Мартин, совершивший путешествие по Сибири в 1891 г. В 15 км к югу от Минусинска им был раскопан курган, в котором ученый нашел «одну, выполненную из белого камня, копию раковины каури» (Мартин, 2004, с. 39). В связи с этой находкой любопытно замечание С. А. Теплоухова (1931, с. 101), констатировавшего через 40 лет после шведа, что в Минусинском крае натуральные раковины крайне редки, а в большом количестве встречаются их копии из пасты и бронзы. Такие изделия, наряду с натуральными образцами, особенно широко распространились в карасукское время, выпавшее на финал бронзового века Южной Сибири (конец II тыс. до н. э.) (Киселев, 1949, с. 77), на период «карасук-тагарского перехода» (Подольский, 2001, с. 108, рис. 3) и в тагарскую эпоху (Киселев, 1949, с. 155). Аналогичные образцы из белого камня (рис. 2) поступили в МАЭС с коллекций древностей Минусинского и Енисейского округов, пожертвованной томским купцом И. Г. Гадаловым (Флоринский, 1890, с. 186, 206).

С. А. Теплоухов (1931, с. 101) в свое время писал, что 28 каури им найдены в курганах V в. до н. э. на территории Тувы. Там же М. Х. Маннай-оол (1970, с. 97) обнаружил каури в захоронениях скифоидной уюкской культуры, полагая, что раковины служили амулетами, магически оберегавшими людей от темных сил. Несколько позже А. Д. Грач заметно увеличил число раковин за счет находок в скифоидных саглыньских захоронениях. В могильнике Саглы-Бажи-IV было найдено шесть единиц каури с отрезанными спинками. Также шесть образцов обнаружено в могильнике Даган-Тэли-I («4 натуральные с отрезанными спинками, 2 кажется каменные с 2-мя отверстиями по одному сверху и внизу по линии зигзага»), в могильнике Дужерли-Ховузу-I, соответствен-

но «4 натуральные каури с отрезанными спинками» (Грач, 1980, с. 116–118, рис. 50, 59, 70). Примерно тогда же Д.Г. Савинов (2002, с. 124) находит каури в памятниках ранних кочевников Верхнего Енисея, оставленных в V–IV вв. до н.э.

Рис. 2. Имитации каури из «белого камня».

Коллекция И.Г. Гадалова. МАЭС ТГУ: 1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона

Fig. 2. Cowrie shell imitation made of "white stone".

From the collection of I.G. Gadalov in MAES TSU: 1 – face; 2 – reverse side

Не преминуло оставить каури на земле Тувы и хуннское время. И снова это имитации, причем в могильнике Ала-Тей-1, помимо 63 экз. из белого камня, лежали 14 образцов из бронзы (Килуновская, Леус, 2020, с. 234, 239, 242, рис. 6.-13–25; 12.-3, 5; 16.-5). Последние находились в погребениях с китайскими монетами и зеркалом, указывая

на неслучайный характер их соседства. Возможно, каури были отлиты там же, где монеты и зеркало.

Не уступают своим соседям и культуры Алтая, где наиболее ранние каури отмечены в составе ожерелий на «оленных» камнях (Кубарев, 1979, с. 95–96, табл. XXXIII.-13). Подобные находки известны не только на русском сегменте горной страны, но и на территории Монгольского Алтая (Савинов, Членова, 1978, с. 78, 80, 83, 85).

Реальными каури наиболее богаты в сравнении с другими территориями памятники скифо-сакского времени Алтая (Киселев, 1949, с. 155, 172, табл. XXVIII; Руденко, 1952, с. 118). Материал в этом направлении науки очень велик, поэтому достаточно отметить некоторые опорные находки. Например, могильники Юстыда, где серию из семи каури В.В. Кубарев (1991, с. 94, рис. 23) встретил в кургане №12. Но, вероятно, самое заметное число находок для этого времени дали раскопки первого кургана пазырыкского могильника Ак-Алаха-I: 34 образца раковин, очень хорошо сохранившихся в ледяной линзе. По случаю этой замечательной находки (со ссылкой на С. И. Руденко и В. Д. Кубарева) Н.В. Полосьмак (1994, с. 37; 2001, с. 58, рис. 21) заметила, что каури присущи женским захоронениям, иногда встречаются в богатых пазырыкских погребениях и крайне редко — в бедных. Однако, как показали раскопки могильников Рогози-ха-I (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 25) и Ханкаринский Дол (Дашковский, Тишкин, Тур, 2006, с. 316), раковины имеются и в мужских погребениях скифского круга. Примечательно, что данная традиция обрела продолжение в следующую эпоху. В сарматском захоронении могильника Новый под Ростовом на мужском костяке был найден богато оформленный пояс с золотой пряжкой, украшенный 52 каури, нашитыми в два ряда (Мец, 2004, с. 106, рис. 1.-1). Немецкий исследователь У. Бросседер причисляет данную находку к кругу хунно-сарматских артефактов (Brosseder, 2011, s. 384, fig. 34).

В сибирских пределах каури продолжили свое синхронное ростовским экземплярам бытование у населения булан-кобинской культуры Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, отложившись в могильниках Курайка (Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008, с. 57, рис. 14.-8), Верх-Уймон (Трифанова, Соенов, 2019, с. 193, рис. 36, 37, 39, фото 17), Бике-I и в других комплексах (Матренин, Тишкин, 2005, с. 167). Указанный перечень находок можно продолжить. Но по сути картина распространения каури не изменится, так как они локализируются на близких территориях, подрастет лишь статистика. Важнее тот факт, что на этом пребывание каури у алтайских племен не прекращается: так, одиночная раковина зафиксирована в женском захоронении раннего Средневековья (Алехин, 1997, с. 134, 136) и в ряде впускных погребений монгольского времени могильников Талдуаир-I и Яконур (Тишкин, 2009, с. 175, рис. 120.-3, 4; с. 188, рис. 130.-12). Самой поздней археологической находкой каури на Алтае стал позднесредневековый женский наконечник из захоронения в Чоба-Баш, украшенный четырьмя десятками раковин (Борисенко, Худяков, 2003, с. 162, рис. 1). Данный образец вместе с селькупскими и иртышско-барабинскими экземплярами выходит на рубеж нового времени и служит надежным «проводником» к этнографическим аналогам, разворачивая тем самым исследования в историческую плоскость.

Этнографические образцы раковин одним из первых отметил В.В. Радлов (1989, с. 133): в его дневниках 1860–1870 гг. они упомянуты в прическах и серьгах алтайских девушек-невест. Примерно в те же годы немецкий географ Карл Риттер (1877, с. 377)

указал на каури при описании шубы из гардероба незамужних алтаек. Чуть позже (в 1880 г.) об этнографических каури у алтайцев написал Н. М. Ядринцев (2007, с. 117) в отчете о путешествии «в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня».

Рис. 3. Каури в этнографии:

- 1 – женские наконники алтайцев. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина;
 2 – костюм бурятского шамана. Российский этнографический музей;
 3 – деталь костюма шорского шамана. Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова; 4 – украшения шорских женщин. Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ; 5 – женский браслет коренных обитателей о. Тайвань. Из коллекции А. Ю. Ожередовой

Fig. 3. Cowrie shells in ethnographic materials:

- 1 – Altay female hair braid ornaments. The National Museum of A.V. Anokhin;
 2 – costume of Buryat shaman. Russian Museum of Ethnography;
 3 – a fragment of Shorsky shaman costume. The Tomsk Museum of Regional Studies;
 4 – a fragment of Shorsky female decoration. Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia in TSU; 5 – Taiwan aboriginal female bracelet. From private collection of A.Yu. Ozheredova

Первые научные сведения об этнографических каури с территорий Горной Шории были получены участниками академической экспедиции, изучавшей восточные пределы империи. В 1751 г. Георг Гмелин в книге «Путешествие через Сибирь в 1733–1743 гг.» отметил: «Проф. Миллер распорядился, чтобы ему доставили в тот же вечер женщин и девиц из верх-томских татар. Как я узнал у него, у одной из женщин свисало впереди 4 косы, которые были украшены по всей длине раковинами из фарфора» (Дульзон, 1953, с. 159–160). Безусловно, путешественник писал о каури, которые по внешнему виду легко принять за фарфоровые поделки¹. В чем нетрудно убедиться, взглянув на музейные экспонаты (рис. 3).

В Кемеровском музее «Археология, этнография и экология Сибири» хранятся образцы девичьих накосников бачатских телеутов, состоящие из волосяных кистей, жгуты которых украшены по концам раковинами каури: «около 30 скрученных и украшенных раковинами и бусинами». Крайне важно замечание авторов исследования о семантике данных украшений: «издаваемый при ходьбе раковинами каури сухой треск, по поверьям, распугивал злых духов» (Кимеева, Тыдыкова, 2011, с. 91–92). О том же в свое время писала этнограф Н. А. Тадина (1995, с. 91–92), опираясь на материалы алтай-кижи: «Характерный звук трения каури друг о друга, по народному поверью, отпугивал болезни и неприятности» Кроме того, вкупе с другими «украшениями» они символизировали «невинность и неприступность девушки». Н. И. Шатинова писала со ссылкой на Л. Э. Каруновскую: «... телеуты, «чтобы предотвратить ребенка от заболеваний, ему привязывают раковину моллюска каури»; «Раковина была «своеобразным оберегом для ребенка» (1981, с. 78).

Практически до советского времени каури имели ни с чем не сопоставимую популярность у шаманов сибирских тюрков (Прокофьева, 1971, с. 41–52 и др., рис. 41–45 и др.). Сегодня в музеях хранится целый «парад» шаманских облачений, богато декорированных каури, и многочисленные свидетельства об их этнической принадлежности. Так, например, 9 октября 1888 г. в Археологический музей Императорского Томского университета «получен» «Шаманский костюм, обшитый раковинами» каури. И. П. Кузнецов сообщил, что комплект из халата «маньяка» и шапки, приобретенный им для музея, принадлежал шорскому шаману. В. М. Флоринский добавил в пояснение, что «... раковины, нашитые на него, называются Numus, получают их из Средиземного моря. Шаманствующие инородцы приобретают их из Казани, где этими красивыми раковинами ведется правильная торговля» (Флоринский, 1888, с. 153).

На территориях, прилегающих к азиатской части России, каури известны в нескольких обширных регионах. К примеру, в Казахстане, в могильнике Мардан, датированном началом I в. н. э. (Байпаков, Воякин, 2003, с. 123), и в «могилах маленьких детей» джетысарской культуры (Левина, 1994, с. 77). Не отстает в этом плане Средняя Азия, где эти раковины находили в Хорезме, в комплексах III в. до н. э. Далее их «почитали ... в сред-

¹ В языках целого ряда стран Европы фарфор именуется порцелин. Термин ведет происхождение от итальянского слова *porcellana* (раковина). Европейцы, столкнувшись с китайским фарфором, полагали, что у этих предметов одна природа происхождения (Carswell, 2000, p. 18). С открытием в XVIII в. секрета фарфора его стали называть точно так же. В России это было одно из трех последовательно бытовавших названий: ценная посуда (XVI–XVII вв.), порцелин (XVIII в.), фарфор (с XIX в.). Европейское заблуждение стало причиной того, что «русский» немец Г. Гмелин решил, что раковины изготовлены из фарфора.

ние века». В этнографическое время каури носили на одежде жители Хорезма, таджики и киргизы (Борозна, 1975, с. 288).

Весьма популярным украшением раковины стали в древностях Китая, синхронных сибирским. К примеру, могильник Ойхуанмяо соотносим с раннескифским временем (VII–VI вв. до н.э.), а могильник Маоцингой соответствует следующему этапу в рамках V–III вв. до н.э. (Шульга, 2015, с. 297, рис. 126). Многочисленные образцы каури используются в китайской этнографии. К примеру, разнообразные изделия, украшенные каури, имеются у коренных обитателей Тайваня (рис. 3.-5).

Отдельной темой можно обозначить каури в скифо-сарматской истории евразийских степей. Это огромный материал, который отвечает задачам уже другой работы. Точно так же за пределы настоящего исследования выходят вопросы семантического осмысления каури, полноформатное освещение которых еще предстоит сделать.

Заключение

В завершение исследования можно обозначить несколько основных выводов. Прежде всего, стоит отметить, что на интересующей нас части Сибири каури имеют очень древнюю историю, протянувшуюся от эпохи бронзы до новейшего времени. Не менее пространной является география распространения каури. По меридиану находки фиксируются от Средней Азии до Заполярья. По широте их присутствие охватывает практически весь бассейн Оби с притоками, включая обширное и относительно плотно населенное Приртышье, а на юге пространство — от Китая до Хорезма.

В количественном отношении очевиден факт увеличения числа образцов каури в погребальном обряде от севера к югу. Плотность находок зримо нарастает по мере приближения к исконным источникам добычи и распространения раковин.

Ну и, быть может, самый важный вывод применительно к Нарымскому Приобью. Селькупский этнос, наряду с другими обладателями каури, четко обособился в интернациональном позднесредневековом конгломерате племен — потребителей южного импорта, имевших единые взгляды на вещи, на способы их употребления, а главное — на их осмысление, т.е. обладавших определенным единством профанного и сакрального уровней восприятия вещного мира.

Судя по размещению находок в селькупских погребениях, каури располагались точно так же, как у западных и южных соседей: их носили в прическах, в составе шейных украшений, на головных уборах и плечевой одежде.

Перечисленные факты и доводы дают основание предполагать, что селькупский этнос уже в Средневековье не стоял в стороне от бытийных процессов и идейных явлений своего времени. В этом же направлении манифестирует дисперсное расселение селькупов в Барабе. Помимо прочего, это соседство указывает на один из возможных каналов поступления импорта в Нарымский край по издревле проторенным путям через Обь-Иртышский водораздел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алехин Ю. П. Некоторые результаты охранных работ 1988 г. в Курьинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. III. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 133–136.

Арне Т. Й. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут : Уральский рабочий, 2005. 184 с.

Байпаков К. М., Воякин Д. А. Исследование комплекса Талтакай // Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных наук. 2003. №1. С. 108–125.

Баранова Н. С., Корусенко М. А. Опыт реконструкции комплексов одежды и украшений аборигенного населения низовий р. Тара XVII–XVIII вв. (по материалам позднесредневековой части могильника Окунево-VII) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева, 2011. С. 198–201.

Боброва А. И., Рыкун М. П., Тучков А. Г., Чернова И. В. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2016. 278 с.

Богаевский Б. Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // Известия ГАИМК. Т. VI. Вып. 8–9. Л. : 1931. 101 с.

Богордаева А. А. Традиционный костюм обских утров. Новосибирск : Наука, 2006. 239 с.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Украшения и принадлежности женского костюма из позднесредневекового погребения Чоба-Баш в Горном Алтае // Древности Алтая. №11. Горно-Алтайск : Горно-Алт. гос. ун-т, 2003. С. 160–169.

Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М. : Наука, 1975. С. 281–297.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 256 с.

Дашковский П. К., Тишкин А. А., Тур С. С. Исследования объектов раннего железного века и средневековья на Чинетинском археологическом комплексе (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. XII(1). С. 315–319.

Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки ТГПИ. Т. X. Томск : Полиграфиздат, 1953. С. 127–334.

Дульзон А. П. Остяцкие могильники XVI–XVII веков у села Молчанова на Оби // Ученые записки ТГПИ. Т. XIII. Томск : Полиграфиздат, 1955а. С. 97–154.

Дульзон А. П. Пачангский курганный могильник // Ученые записки ТГПИ. Т. XIV. Томск : Полиграфиздат, 1955б. С. 230–251.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 3 : Этнографический очерк местных инородцев. М. : Либерия, 1996. 208 с.

Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование) М. : Наука, 2017. 559 с.

Историческая экология населения севера Западной Сибири. Нефтеюганск: Институт археологии севера; Екатеринбург : АМБ, 2013. 376 с.

Казачков А. Б., Полонский В. В. Макушин. К 170-летию со дня рождения П. И. Макушина. Томск : Д-Принт, 2014. 123 с.

Килуновская М. Е., Леус П. М. Пряжки из сибирского гагата в погребениях эпохи хунну II–I вв. до н. э. в Туве // Археологические вести. Вып. 30. СПб. : Ин-т истории материальной культуры, 2020. С. 223–253.

Кимеева Т. И., Тыдыкова Л. И. Традиции и ремесла бачатских телеутов: учебно-методическое пособие для национально-культурных центров и образовательных учреждений Кемеровской области. Кемерово : КемГУ, 2011. 120 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. №9).

Конилов Б. А. О культе коня и воззрениях раннесредневекового населения таежно-Прииртышья // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 68–71.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1976. 220 с.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Левина Н. М. Джетысарская культура. Ч. 3–4. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 312 с.

Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М. : Наука, 1970. 118 с.

Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург ; Сургут : Уральский рабочий, 2004. 144 с.

Матренин С. С., Тишкин А. А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркут. тех. ун-та, 2005. С. 152–158.

Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск : Наука, 1994. 223 с.

Мец Ф. И. О возможном сюжете декора золотой пряжки из сарматского погребения могильника Новый на Дону // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Омск. гос. ун-т, 2004. С. 106–110.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 262 с.

Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 206 с.

Орнаментика обских угров. Томск : Изд. дом ТГУ, 2019. 504 с.

Пигнатти В. Каталог коллекции находок на Искере, принадлежащей Тобольскому Губернскому Музею // Ежегодник тобольского Губернского музея. Вып. XXVI. Тобольск : Типография Епархиального Братства, 1915. С. 1–89.

Подольский М. Л. Све Чилангыг тах на севере Хакасии // Евразия сквозь века. СПб. : Фил. фак-т СПб. ун-та, 2001. С. 108–110.

Полосьмак Н. В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 125 с.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л. : Наука, 1971. С. 5–100 (СМАЭ. Т. XXVII).

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 749 с.

Риттер К. Землеведение Азии. География стран или пограничных с нею, Сибири, Китайской империи, Туркестана, Независимой Татарии и Персии. СПб. : ИРГО, 1877. 749 с.

Руденко С. И. Горно-алтайские находки и скифы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 267 с.

Рындина О. М., Боброва А. И., Ожередов Ю. И. Ханты салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 412 с.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб. : Изд-во С-Петербург. ун-та, 2002. 204 с.

Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск : Наука, 1978. С. 72–94.

Салымский край. Екатеринбург : Тезис, 2000. 344 с.

Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 344 с.

Слюсаренко И. Ю., Богданов Е. С, Соенов В. И. Материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай, 2008. С. 42–57.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. 278 с. (МИА. №28).

Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 1995. 207 с.

Теплоухов С. А. Каури в Урянхайском и Минусинском крае // Известия государственной академии истории материальной культуры (ИГАИМК). Т. VI. Вып. 8–9. 1931. С. 101.

Тишкин А. А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с.

Трифанова С. В., Соенов В. И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени: монография. [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2019. 160 с. 1 электрон. опт. диск (CD-R)

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 136 с.

Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1888. 155 с.

Флоринский В. М. Прибавление к каталогу Археологического Музея Томского университета. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1890. С. 157–337.

Худяков Ю. С. Торговые и культурные связи средневекового населения Тянь-Шаня и Семиречья в VI–X вв. // Центральная Азия и Южная Сибирь. Альманах. Т. I. М. : Пробел-2000, 2009. С. 212–219.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 1998. 288 с.

Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 1. 340 с.

Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алт. кн. изд-ва, 1981. 184 с.

Шульга П. И. Могильник Юйхуанмяо в северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.

Щеглов М. М. Наброски по памяти. Воспоминания старого художника. Симферополь : Крымиздат, 1957. 124 с.

Ядринцев Н. М. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского Отдела Императорского Географического Общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катунь, члена-сотрудника Отдела Н. М. Ядринцева в 1880 году // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков. Барнаул : А.Р.Т., 2007. С. 95–126.

Яковлев Я. А. Могильник Тоянов городок: Каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фонда Государственного Исторического музея (г. Стокгольм). Томск; Сургут : Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.

Arne T. J. Barsoff gorodok. Stockholm : Pa Akademiens Förlag, 1935. 130 s.

Brosseder Ursula. Belt Plaques as an indicator of east-west relations in the Eurasian steppe at the Turn of the millennia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. Bonn, 2011. S. 349–424.

Carswell J. Blue and White: Chinese porcelain around the world. Chicago : Art Media Resources Ltd, 2000. 224 p.

REFERENCES

Alyohin Yu. P. Some Results of the Conservation Project in Kur'enski District of Altai Region in 1988. In: Conservation and Research of Altai Region Cultural Heritage. N 3. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. Pp. 133–136. (*In Russ.*)

Arne T. Y. Barsov Township. West Siberian Burial Complex of the Iron Age. Ekaterinburg; Surgut : Ural'skij rabochij, 2005. 184 p. (*In Russ.*)

Baipakov K. M., Voyakin D. A. Taltakai Complex Research. *Izvestiya Nacional'noj AN Respubliki Kazahstan. Seriya obshchestvennyh nauk = Bulletin of National AN of Republic of Kazakhstan. Series: Social Sciences.* 2003;1:108–125. (*In Russ.*)

Baranova N. S., Korusenko M. A. Reconstruction of Garment and Jewelry Sets from Aboriginal Population of the Lower Tara River in 17th –18th Centuries (based on the late medieval part of Okunevo-VII burial complex). In: Archaeology, Ethnography, Paleoecology in Northern Eurasia: Issues, Research, Discoveries. Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyar. gos. ped. un-ta im. V. P. Astaf'eva, 2011. Pp. 198–201. (*In Russ.*)

Bobrova A. I., Rykun M. P., Tuchkov A. G., Chernova I. V., Narym near-Ob' River Region in the Second Millennium AD. (10–20 centuries). Tomsk : Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 2016. 278 p. (*In Russ.*)

Bogaevski B. L. Shells in Painted Ceramics of China, Crete and Tripoli. In: Bulletin of GAIMK. Vol. VI. Is. 8–9. Leningrad : GAIMK, 1931. 101 p. (*In Russ.*)

Bogordaeva A. A. Traditional Costume of Ob-Ugric people. Novosibirsk : Nauka, 2006. 239 p. (*In Russ.*)

Borisenko A. Yu., Hudyakov Yu. S. Jewelry and Elements of Female Costume in Late Medieval Burial Complex Choba-Bash in the Mountainous Altai. In: Altai Antiquities. №11. Gorno-Altaysk : Gorno-Alt. gos. un-t, 2003. Pp. 160–169. (*In Russ.*)

Borozna N. G. Some Materials about Amulets — Decorations of the Ethnoses in Central Asia. In: Premuslim Beliefs and Rituals in Central Asia. Moscow : Nauka, 1975. Pp. 281–297. (*In Russ.*)

Grach A. D. Ancient Nomads in the Center of Asia. Moscow : Nauka, 1980. 256 p. (*In Russ.*)

Dashkovsky P. K., Tishkin A. A., Tur S. S. Early Iron Age and Middle Age Artifacts Investigation from Chinetinsk Archaeological Complex (North-West Altai). *Problemi arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij = Archaeology, Ethnography and Anthropology in Siberia and the Neighboring Territories*. 2006;XII(1):315–319. (*In Russ.*)

Dulzon A. P. Late Archaeological Sites in the Chulym Region and the Origin of the Chulym Tatars. In: Scholarly Notes of TSPU. Vol. X. Tomsk : Poligrafizdat, 1953. Pp. 127–334. (*In Russ.*)

Dulzon A. P. Ostyak Burial complexes in XVI–XVII Centuries near the Village of Molchanovo on the Ob River. In: Scholarly Notes of TSPU. Vol. XIII. Tomsk : Poligrafizdat, 1955a. Pp. 97–154. (*In Russ.*)

Dulzon A. P. Pachanga Burial Mounts Complex. In: Scholarly Notes of TSPU. Vol. XIV. Tomsk : Poligrafizdat, 1955b. Pp. 230–251. (*In Russ.*)

Dunin-Gorkavich A. A. Tobolsk North. In 3 volumes. Vol. 3: Ethnographic Essay on Local Indigenous Dwellers. Moscow : Libereya, 1996. 208 p. (*In Russ.*)

Zykov A. P., Kosincev P. A., Trepalov V. V. City Cibir — Isker Settlement (historical and archaeological research). Moscow : Nauka, 2017. 559 p. (*In Russ.*)

Historical Ecology of the Population in West Siberia. Nefteyugansk : Institut arheologii severa; Ekaterinburg : AMB, 2013. 376 p. (*In Russ.*)

Kazachkov A. B., Polonski V. V. Makushin. To the 170th Anniversary of P.I. Makushina. Tomsk : D-Print, 2014. 123 p. (*In Russ.*)

Kilunovskaya M. E., Leus P. M. Buckles Made of Siberian Sardonyx from the Burial Complexes of the Xiongnu period in the 2nd –1st centuries BC in Tuva. In: Archeological Bulletin. Vol. 30. St. Petersburg : In-t istorii material'noj kul'tury, 2020. Pp. 223–253. (*In Russ.*)

Kimeeva T. I., Tyidyikova L. I. Traditions and Crafts of the Bachat Teleuts: Teaching Manual for National-Cultural Centers and Educational Institutions of the Kemerovo Oblast. Kemerovo : KemGU, 2011. 120 p. (*In Russ.*)

Kiselyov S. V. Ancient History of South Siberia. Moscow ; Leningrad : An SSSR, 1949. 364 p. (MIA. №9) (*In Russ.*)

Konikov B. A. Horse Cult of Early Medieval Population of Taiga near-Ob' Region. In: Worldview of West Siberian People Based on Archaeological and Ethnographic Materials. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1985. Pp. 68–71. (*In Russ.*)

Konovalov P. B. Xiongnu in Zabaikale. Ulan-Ude : Buryatskoe kn. izd-vo, 1976. 220 p. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. Ancient Altai Sites. Deer stones. Novosibirsk : Nauka, 1979. 120 p. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. Burial Mounds of Yustyd. Novosibirsk : Nauka, 1991. 190 p. (*In Russ.*)

Levina N. M. Dzhetysayr Culture. Vol. 3–4. M. : Institut Etnologii i Antropologii RAN, 1994. 312 p. (*In Russ.*)

Mannai-ool M. H. Tuva in the Scythian Period (Uyuk culture). Moscow : Nauka, 1970. 118 p. (*In Russ.*)

Martin F. R. Sibirika. Some Information about the Siberian Population in the Prehistoric Period. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skij rabochij, 2004. 144 p. (*In Russ.*)

Matrenin S. S., Tishkin A. A. Bulan-kobinskaya Culture of Altay. In: Social Structure of Early Nomads in Eurasia. Irkutsk: Izd-vo Irkut. tehnič. un-ta, 2005. Pp. 152–158. (*In Russ.*)

Matyuschenko V. I., Polevodov A. V. Archaeological Complex on Tatarski Uval near the Okunyovo Village. Novosibirsk: Nauka, 1994. 223 p. (*In Russ.*)

Mec F. I. On a Possible Decorative Motive of a Golden Buckle from the Sarmat Burial Complex Novyij on the Don River. In: The Sixth Historical Proceedings in Memory of Mihail Petrovich Gryaznov. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2004. Pp. 106–110. (*In Russ.*)

Molodin V. I., Sobolev V. I., Solov'ov A. I. Baraba in Late Medieval Period. Novosibirsk: Nauka, 1990. 262 p. (*In Russ.*)

Ozheredov Yu. I., Yakovlev Ya. A. Archaeological Map of the Tomsk Oblast. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1993. Vol. 2. 206 p. (*In Russ.*)

Ornaments of the Ob-Ugrians. Tomsk: Izd. dom TGU, 2019. 504 p. (*In Russ.*)

Pignatti V. Catalogue of the Collection of the Finds from Isker, that Belongs to the Tobolsk Governorate Museum. In: Yearbook of Tobolsk Governorate Museum. Vol. XXVI. Tobolsk: Tipografiya Eparhial'nogo Bratstva, 1915. Pp. 1–89 (*In Russ.*)

Podolsky M. L. Sve Chilannyig Tah in the North of Khakasiya. In: Euroasia through Time. St. Petersburg: Fil. fak-t SPb. un-ta, 2001. Pp. 108–110. (*In Russ.*)

Polos'mak N. V. "The Griffons Guarding Gold" (Akalakha burial mounds). Novosibirsk: Nauka, 1994. 125 p. (*In Russ.*)

Polos'mak N. V. Equities of Ukok. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2011. 336 p. (*In Russ.*)

Prokof'eva E. D. Shaman Costumes of Siberian Ethnoses. In: Religious Beliefs and Rituals among Siberian Ethnic Groups in 19th — early 20th Centuries. Leningrad: Nauka, 1971. Pp. 5–100. (SMAE. Vol. XXVII). (*In Russ.*)

Radlov V. V. From Siberia: Diary Pages. Moscow: Nauka, 1989. 749 p. (*In Russ.*)

Ritter K. Essays on Asia. Geography of the Countries within or Neighboring Siberia, Chinese Empire, Turkestan, Independent Tatarsiya and Persia. St. Petersburg: IRGO, 1877. 749 p. (*In Russ.*)

Rudenko S. I. Altai Finds and Scythians. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 267 p. (*In Russ.*)

Ryndina O. M., Bobrova A. I., Ozheredov Yu. I. The Khants of the Salum Region: Culture in Archaeological and Ethnographic Retrospectives. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008. 412 p. (*In Russ.*)

Savinov D. G. Early Nomads of the Upper Yenisey River (archaeological cultures and culturogenesis). SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 2002. 204 p. (*In Russ.*)

Savinov D. G., Chlenova N. L. Western Borders of Deer Stone Culture and its Cultural-Ethnic Attribution. In: Archaeology and Ethnography of Mongolia. Novosibirsk: Nauka, 1978. Pp. 72–94. (*In Russ.*)

Salyimsky Krai. Ekaterinburg: Tezis, 2000. 344 p. (*In Russ.*)

Sirelius U. T. A Journey to the Khanty. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001. 344 p. (*In Russ.*)

Slyusarenko I. Yu., Bogdanov E. S., Soyonov V. I. Materials of Xiongnu-Sarmatian Epoch from Altai (Kurayka burial complex). In: Historical-cultural Heritage Research. Gorno-Altai: Agentstvo po kul'turno-istoricheskomu naslediyu Respubliki Altaj, 2008. Pp. 42–57. (*In Russ.*)

Smirnov A. P. Essays on Ancient and Medieval History of the People in the Middle Povolzh'e and near-Kama Region. Moscow : Izdatel'stvo AN SSSR, 1952. 278 p. (MIA. №28) (*In Russ.*)

Tadina N. A. Altai Wedding rituals (XIX–XX centuries). Gorno-Altaiisk : Yuch-Syumer, 1995. 207 p. (*In Russ.*)

Teplouhov S. A. Cowrie in Uryankha and the Minusinsk Region. *Izvestiya gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury (IGAIMK) = Bulletin of National Academy of History of Material Culture*. Vol. 1931;VI(8–9):101. (*In Russ.*)

Tishkin A. A. Altai in Mongolia Time (Archaeological Evidence). Barnaul : Azbuka, 2009. 208 p. (*In Russ.*)

Trifanova S. V., Soenov V. I. Jewelry of Altai Population during Xiongnu-Sarmatian Period: Monography. [Online source]. Gorno-Altaiisk : GAGU, 2019. 160 p. 1 электрон. опт. диск (CD-R) (*In Russ.*)

Troickaya T. N., Borodovskyi A. P. Bolsherechenskaya Culture of the Forest Steppe in the near-Ob' Region. Novosibirsk : Nauka, 1994. 136 p (*In Russ.*).

Umanskyui A. P., Shamshin A. B., Shulga P. I. Skythian Period Burial Complex Rogoziha-1 on the Left Bank of the Ob' River. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 204 p. (*In Russ.*)

Florinsky V. M. Archaeological Museum of Tomsk University. Tomsk : Tipo-litografiya Mihajlova i Makushina, 1888. 155 p. (*In Russ.*)

Florinsky V. M. Additions to the Catalogue of Archaeological Museum in Tomsk University. Tomsk : Tipo-litografiya Mihajlova i Makushina, 1890. Pp. 157–337. (*In Russ.*)

Hudyakov Yu. S. Trade and Cultural Relations of Medieval Population in Tian Shan and Semirech'e in VI–X Centuries. In: *Central Asia and South Siberia. Almanac*. Vol. 1. Moscow : Probel-2000, 2009. Pp. 212–219. (*In Russ.*)

Cybiktarov A. D. The Slab Grave Culture in Mongolia and Zabaikale. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. un-ta, 1998. 288 p. (*In Russ.*)

Chindina L. A., Yakovlev Ya. A., Ozheredov Yu. I. Archaeological Map of Tomsk oblast. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1990. Vol. 1. 340 p. (*In Russ.*)

Shatinova N. I. Family among the Altai People. Gornoaltaiisk : Gorno-Altajskoe otделение Alt. kn. izd-va, 1981. 184 p. (*In Russ.*)

Shulga P. I. Yuhuanmiao Burial Complex in North China (VII–VI centuries BC). Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2015. 304 p. (*In Russ.*)

Scheglov M. M. Sketches by Memory. Memories of an Old Artist. Simferopol : Krymizdat, 1957. 124 p. (*In Russ.*)

Yadrincev N. M. Report on the Trip, Assigned by West-Siberian Imperial Geographic Society, to Altai, Teleckoe Lake and the Upper Katun, Taken by Staff Member N. M. Yadrincev in 1880. In: *Altai in the Works of Scholars and Travelers in the 18th — beginning of the 20th Centuries*. Barnaul : A.R.T., 2007. Pp. 95–126. (*In Russ.*)

Yakovlev Ya. A. Mogilnik Toyanov gorodok: Catalogue of F.R. Martin Collection 1891 from the Funds of National Historical Museum (Stockholm). Tomsk; Surgut : Izd-vo Tom. un-ta, 2009. 348 p. (*In Russ.*)

Arne T. J. Barsoff Gorodok. Stockholm : Pa Akademiens Förlag, 1935. 130 p.

Brosseder Ursula. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the millennia. In: *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives*

of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. Pp. 349–424.

Carswell J. Blue and White: Chinese Porcelain around the World. Chicago : Art Media Resources Ltd, 2000. 224 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ожередов Юрий Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института исследования Монгольского Алтая, Улаанбаатар, Монголия.

Yuri I. Ozheredov, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Mongolian Altai Research, Ulaanbaatar, Mongolia.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2022;
одобрена после рецензирования 24.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.*

*The article was submitted 15.01.2022;
approved after reviewing 24.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.*